

Перед глазами Сяо Жофэя мелькали бесчисленные образы Гу Чуньлая — от времён, когда он только начинал свою карьеру на сцене, до периода, когда благодаря спектаклям «Поздняя весна, ранняя осень» и «Неудача и слава» он утвердился в театральном мире, а затем и в сериале «Два города». Но больше всего было последних образов — размытых, отбеленных, отполированных и увеличенных, напечатанных на плоскости, лишённых углов и объёма, почти нереальных.

Сяо Жофэю это не нравилось. Это был не тот человек, которого он знал. Он инстинктивно хотел отогнать эти образы, но, только подняв руку, почувствовал, как её кто-то схватил.

— Брат, ты болен, — Чжан Ичэн, что было редкостью, говорил серьёзно. — Давай вернёмся и отдохнём.

— Эти люди... что они здесь делают? — Сяо Жофэй, едва держась на ногах, наконец выкрикнул.

Чжан Ичэн нахмурился, колеблясь, и тихо произнёс:

— Это фанаты учителя Гу.

— Фанаты? Какие фанаты? Маринованные? Жареные? Стеклянные? Вкусные? Могут быть вкусными? — Лицо Сяо Жофэя было бледным, и, несмотря на гневный тон, в нём не было прежней силы.

Увидев это, Чжан Ичэн поспешно закрыл рот Сяо Жофэя и, таща его за собой, вернул в комнату, закрыл дверь и начал объяснять.

Оказалось, что все эти люди были фанатами Гу Чуньлая. После выхода «Двух городов» на площадке стали появляться люди, приносившие подарки и цветы, но охранники и Чжан Ичэн их отгоняли. Непонятно, почему сегодня их стало так много, будто активизировался фан-клуб.

Сяо Жофэй слушал в полусне, хотел попросить Чжан Ичэна уточнить у отдела по работе с медиа, но, коснувшись подушки, через три секунды провалился в сон, потеряв счёт времени.

Во сне Сяо Жофэй вдруг оказался в своём двадцать первом лете.

В тот год в Цзинчэне дул сильный ветер, независимо от погоды. Одежда Гу Чуньлая была слишком свободной, и ветер раздувал её, обнажая полоску кожи цвета молочной карамели — подтянутой, без лишнего жира, с едва заметными мышцами, спускавшимися от спины к талии и исчезающими под поясом.

Сяо Жофэя это раздражало. Ему не нравилось, что Гу Чуньлай не умел нормально одеваться, и он тайком фотографировал его, чтобы зафиксировать это. Если его ловили, он штрафовал Гу Чуньлая на одну монету, которую клали в копилку. Когда копилка наполнялась, они шли пить вместе.

В то время они готовились к дипломной работе Сяо Жофэя.

Когда обсуждали, какой жанр выбрать, Гу Чуньлай, не задумываясь, предложил снять любовную историю. Сяо Жофэй был удивлён. За три года знакомства он никогда не видел, чтобы Гу Чуньлай кого-то любил или злился на кого-то. Его выражение лица всегда было спокойным и мягким, казалось, что любовь не для него. Сяо Жофэю было интересно, и он несколько раз проверял, где границы Гу Чуньлая, но тот просто шёл навстречу, смеялся и шутил, не проявляя большего интереса, что только усиливало любопытство Сяо Жофэя.

Чем больше он наблюдал, тем тяжелее становилась копилка, и вскоре она уже не могла вместить ни одной монеты.

В ту ночь они выпили дюжину банок пива и, пьяные, вернулись домой. Под действием алкоголя их руки опередили мысли, и они коснулись того, чего не следовало. Ночь была холодной, ветер из окна приносил свежесть, как будто в нём была лёгкая газировка с лимоном, но они оба покрылись потом, липким, как сироп, словно две рыбы, борющиеся за жизнь, делящие последние капли воды.

Позже наступило утро, и ночные тайны, порывы и импульсы остались в прошлом, не готовые выйти на свет. Они оба понимали это и продолжали писать сценарий, ходить по улицам Цзинчэна, притворяться, что встречаются, держатся за руки, переживают моменты, описанные в чужих историях.

Но в их сердцах была струна, натянутая до боли.

Боль, которая вот-вот оборвётся.

Боль, которая заставила Сяо Жофэй резко выйти из сна.

Сяо Жофэй знал, что реальность была далека от идеала.

Хотя одеяло давило на него, он дрожал от холода, зубы стучали, как будто он был в ледяной пещере, а веки были тяжелы, как свинец. В полусне он услышал знакомый голос, спрашивающий, как он себя чувствует, хочет ли воды или еды.

Он сказал, что хочет воды и лапши, и человек ответил «хорошо», его голос постепенно удалялся. Сяо Жофэй крикнул:

— И тебя тоже хочу.

Но, произнеся это, он почувствовал себя смешным.

Человек, чей голос он слышал, был занят промо-акциями, работал без отдыха, днём и ночью, и у него не было времени даже на голосовые сообщения или видеозвонки. Сяо Жофэй мог только собирать крохи информации из текстовых сообщений, которые были бледными и безжизненными, как изображения на фанатских плакатах.

Но раньше всё было иначе.

С этой мыслью Сяо Жофэй с трудом открыл глаза, прищурившись. В щели он увидел то, чего никак не ожидал — знакомые глаза, которые, казалось, витали перед ним.

Он выпалил:

— Чуньлай, ты вернулся?

Тот ничего не сказал, поднёс стакан воды к его губам. Сяо Жофэй сделал глоток, но не смог проглотить, вода разлилась вокруг. Человек попробовал ещё раз, но снова не получилось, и, когда он хотел поднять голову выше, губы Сяо Жофэя вдруг коснулись его.

Тёплая, мягкая струйка потекла в его рот, прошла через обожжённое горло и горячий пищевод, достигнув сердца. Сяо Жофэй удовлетворённо вздохнул и медленно открыл глаза.

— Сегодня же ты снимаешься для семи или восьми журналов? Как оказался здесь?

Человек не ответил.

Сяо Жофэй пригляделся и понял, что перед ним вовсе не Гу Чуньлай, а Бай Яньнань.

Бай Яньнань стоял близко, его лицо было бесстрастным, без эмоций, как у куклы с сломанным механизмом, но совсем не таким, каким он был обычно.

Сяо Жофэй поспешно поправился:

— Ты всё ещё занят?

Бай Яньнань долго молчал, а затем ответил невпопад:

— Ты снова перепутал меня.

Сяо Жофэй не знал, что сказать, и пробормотал:

— Кажется, я заболел...

— Ты не «кажется»! — Бай Яньнань резко повысил голос, будто готов был сорвать крышу. — Ты знаешь, до скольких градусов у тебя поднялась температура и как долго ты спал?!

Сяо Жофэй понимал, что не имеет права возражать, и покорно ответил:

— Не знаю.

— 40,6 градуса, ты проспал целый день, и только сейчас температура немного спала. Врач сказал, что симптомы появились давно, но ты ничего не делал, и переутомление привело к такому состоянию. Ты что, с ума сошёл? Не чувствовал, что с тобой что-то не так?

— Я постоянно измерял температуру, вот, смотри. — Сяо Жофэй взял градусник со стола, положил его под язык, и через несколько секунд цифры показали ровно 36. — Всё в порядке, всё нормально.

— Нормально, блин, твой градусник сломан! — Бай Яньнань засунул градусник себе в рот, и он тоже показал 36 градусов. — Попробуй этот!

Сяо Жофэй замолчал. На этот раз его температура была 38,7 градуса — явная лихорадка. Он тихо подтянул одеяло, укрывшись с головой, оставив только глаза, и не знал, смотреть ли на собеседника.

Он не был глупым и прекрасно понимал, что только что произошло. Возможно, лучше было бы просто не упоминать об этом.

Сяо Жофэй протянул руку, дотянулся до стакана на столе, выпил воду залпом и незаметно сменил тему:

— Зачем ты снова пришёл?

— Я забрал у тебя Будду, разве не должен вернуть? Если я продолжу его удерживать, ты ведь на меня обидишься. — Бай Яньнань устремил взгляд вдаль, его глаза были расфокусированы. — Я посчитал, что у вас скоро закончатся сцены без него. Теперь ждёшь, когда он вернётся

для съёмок, верно?

Сяо Жофэй кивнул.

Когда Бай Яньнань подавал резюме, он забрал полный сценарий. Он знал привычки Сяо Жофэя, его процесс съёмок и график, поэтому мог примерно оценить время.

— Мешать съёмкам мне нет никакого смысла.

— Да? Не мешать съёмкам, не мешать съёмкам, а ты всё равно забрал Чуньяля?!

Увидев, что Сяо Жофэй разозлился, Бай Яньнань не растерялся:

— Ты сам неправильно спланировал. Если бы с самого начала всё было организовано как сейчас, разве были бы проблемы?

— С самого начала? Не говори мне, что ты не знаешь, что за дни сейчас. — Сяо Жофэй говорил слишком много, его голос снова стал хриплым, но глаза горели. — Время выхода «Двух городов», ты думаешь, я не знаю? Избегать ваших промо-акций, ты думаешь, я не знаю? Не мешать съёмкам, красиво сказано. А причина, по которой я так спланировал съёмки, тебе неизвестна?!

<http://bllate.org/book/15563/1415732>